

КАК КРИТИК РАССАДИН РАЗЖАЛОВАЛ ИЗ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ ПИСАТЕЛЯ БУНИНА

Ирина ШРЕЛОВСКАЯ, «Известия»

В статье «Дзык, дзык!», напечатанной на днях «Литгазетой», известный критик Станислав Рассадин взял да поделил российских классиков на интеллигентов и неинтеллигентов. Чехов? Ясно, безоговорочный интеллигент. Цитирую: «А Блок? Тоже интеллигент, и если открещивается, то см. горьковский диагноз. Сам Горький? Еще был И, как всякий высокочка-парвеню, с гипертрофией родовых черт, с хватанием через край. Мандельштам? Вероятно. Надо подумать. Пастернак? О, да! Набоков — нет, нет и нет!»

Набокова Рассадин отчислил из интеллигенции за аристократическое высокомерие. А Ивана Алексеевича Бунина за что дзык? За дурное поведение на именинах у Нины Николаевны Берберовой 27 января 1945 года. Рассадин и кое-что от себя добавляет к двадцати строчкам из книги Берберовой «Курсив мой». «В освобожденном и голодном Париже,

— пишет критик, — она справляла именины. Добыла бутылку красного вина и, главное, полфунта колбасы». Эти 200 граммов чайной колбасы именинница ухитрилась разложить на 12 ломтиков хлеба, но читаем у Берберовой: «Пока я разливала чай, гости перешли в столовую. Бунин вошел первым, оглядел бутерброды и, даже не слыша, съел все двенадцать кусков колбасы... куски хлеба, разложенные на двух тарелках, выглядели несколько странно и стыдно». Все, никаких сентенций. Зато Рассадин тут же и пускается в рассуждения: «Смеяться над великим писателем, утратившим от голода даже представления о приличиях, в свою очередь неприлично. Улыбнуться, сохраняя ритуально печальное выражение лица, — ладно, куда ни шло. Но я процитировал это, чтобы задать такой, — сознаю,

что ревнивый — вопрос: можно ли представить, чтобы в любых, даже в более тяжелых условиях так поступил интеллигент (выделено Рассадиным) Чехов?»

Только вот какая неувязка: у Бунина есть алиби. В Париже, освобожденный в августе 1944-го, Бунин с женой Верой Николаевной возвращается из Грасса только 1 мая 1945-го. На юге Франции они и прожили военные годы. Стало быть, дата неточная. Ну, а если все произошло позже, то и окраска поступка может быть иной? Чехов, нежно любивший Ивана Алексеевича, не случайно прозвал его Букишоном. Леонид Андреев признавался: «Когда я с тобой, у меня щеки лопаются от смеха». Бунин бывал экстравагантным в розыгрышах, озорстве, проказах. Приступ голода? Не то. Эпатаж? Ну, конечно: чего стоит штрих: «даже не слишком торопясь». Но что за шутка? Разозлили? Гадать — пустое дело. Хотя есть в этом анекдоте такая-то недоговоренность.

В мемуарах нередко находишь временные подвиги, неточности, преувеличения. Это субъективный жанр. Берберова не хроникер, а талантливый художник, притом весьма ироничный, даже язвительный в своих наблюдениях. Забежала ненароком к знаменитости, увидела у стариков неприбранный ночной горшок: промолчать бы, а нет! Интеллигентскому правилу не замечать пролитый на стол соус она в воспоминаниях не следует. Таков ее стиль, острый, не женский, с перцем и горчицей.

К Буниным Берберова пристрастна. Веру Николаевну видит женщиной недалекой и безликой, чего, однако, не скажешь, читая «Беседы с памятью» жены Бунина. Но люди смотрят друг на друга по-разному. Да только можно ли оценивать человека по чьему-то взгляду, одному случаю, факту, вырванному из контекста судьбы, обстоятельству?

Перелистываю книги «Литературного наследства», посвященные Бунину. «Другого такого

«писательского дома» в Париже не было, — читаю. — «Центро-помощь» сказал кто-то... Если В. Н. была «душой» этой «центро-помощи», то И. А. ее в этом всегда одобрял, поддерживал, поощрял... Про его доброту знала она одна. И. А. ее тщательно скрывал, нигде никогда не афишировал, не терпел никаких благодарностей». Вот она, интеллигентность-то!

«Сильный творческий дух Бунина сумел противостоять... всем житейским невзгодам и трудностям. Нобелевская премия, полученная в 1933 г., была щедро роздана неимущим и прожита». Бунины бедствовали в годы войны. Но писатель наотрез отказался сотрудничать в прогерманских газетах. Доходил, пишут, до голодных обмороков, но не шел на компромиссы. В том самом январе 45-го 75-летний Бунин, превозмогая слабость и боль в сердце, обегал, вспоминают, все аптеки в Канне и Ницце в поисках лекарства для одинокой больной родственницы В. Н.

Художница Т. Муравьева-Логина, приводя свидетельства

бунинской отзывчивости, замечает, что для будущих биографов важно знать и «мелкие факты, чтобы правильно осветить личность Бунина, очень сложную, порой сотканную из противоречий». Вот опять-таки бережное и интеллигентное отношение к памяти замечательного писателя.

Что же касается анекдота, рассказанного Берберовой, нам бы тут лучше промолчать: суди их Бог! Если б не «приговор» Рассадина. Вот о нем — суди Бог! — не скажешь. Ведь как говорили в старину, и в судах-богах напраслина — грех.

«Интеллигенции как соборного понятия нет — и давно, — утверждает Рассадин. — Она отыграла свою роль... оставив нам интеллигентность. То, с чем прощаться не стоит. Хотя торопимся распрощаться».

Насчет интеллигенции можно спорить: ее хоронили у нас не единожды. Насчет интеллигентности согласна на все сто процентов. Не разбираясь, не вникая, не пытаясь понять, а не то чтоб пожалеть или простить, мы теперь кого угодно в минуту — дзык! А торопиться-то и неинтеллигентно, когда речь идет о человеке, его репутации, и уж о великом соотечественнике тем более.

К критику Рассадину отношусь с безусловным уважением. Но фальшивую ноту и ему прощать не хочется.

Ирина Шреловская - 1903 - 20-го апреля - с. 7